

Токарев Вилли
Неделя - 25 мая

ИНТЕРВЬЮ «НЕДЕЛИ»

В такси, у знакомых я часто слышу песни Вилли Токарева. Некоторые из них мне нравятся, а другие — производят странное впечатление. И вообще вокруг этого имени ходит много слухов. Невозможно разобраться, где правда, а где выдумка. Недавно В. Токарев приезжал к нам, давал интервью телепрограмме «Взгляд». Но я так и не смог понять, каков Токарев на самом деле и как он попал за границу. Может быть, «Неделя» познакомит своих читателей с этим певцом и музыкантом?

С. КОЗЛОВ.

Саратов.

— За четырнадцать лет я отдыхаю сейчас впервые. Все эти годы, с того дня, когда я покинул Россию, у меня не было ни одного праздного дня. И не потому, что я хотел много заработать. Я должен был вкалывать в поте лица своего потому, что Америка не любит, когда отпускаешь пружину...

В номере гостиницы «Будапешт» я беседею с Вилли Токаревым. Многим читателям это имя ничего не говорит. Многие же, я уверен, постоянно слушают песни самого популярного русскоязычного барда Америки. Тем интереснее развешать легенды и сплетни вокруг биографии и творческой судьбы моего собеседника, только что приехавшего в Советский Союз.

— Некоторое время назад прошел слух, что Вилли Токарев убит в драке, — эти слухи, как я вижу, сильно преувеличены...

— Уголовная хроника, слава богу, пока не замечает моей скромной персоны. В драках я не участвую. Правда, я действительно сражался за свой «пятачок» в ресторане, но это была «творческая» конкуренция за место под солнцем.

— Любопытно, расскажите...

— Впервые я получил работу в Найт-клубе на Бродвее сроком на две недели. Таковы условия хозяина ресторана: каждые две недели должен меняться оркестр. Ну, чтобы не приелось, чтобы публика шла на «свежачок». Нормальное явление. Так вот, мы подготовились, купили ноты, выучили бразильские и американские песни. В полдвенадцатого ночи подошла наша очередь, и я исполнил свою программу. Честно говоря, мне показалось, что успех мне не светит. И тогда я показал песню «Темная ночь» Богословского. Зал замер в молчании. Полный провал? И вдруг — словно с неба — разверзся шквал аплодисментов. Оказалось, поскольку я пел по-английски, публика ждала перевода, и это было минутным выжиданием. Босс тащит меня в подвал: «Я тебя беру». — «Но там же еще не все спели». — «Они меня уже не волнуют». Вместо двух недель я проработал по первому своему контракту семь месяцев. Если вы не верите, можете поехать в ресторан «Виктор» на 50-й стрит и Бродвее, и вам расскажут все как есть...

— Спасибо за приглашение, Вилли. Сегодня оно не кажется таким уж неосуществимым, как это было еще буквально вчера. Вот и вы наверняка удивлены, что приехали на Родину. Как это произошло?

— Да, то, что я сижу сейчас и разговариваю с советским журналистом, что я выступал в телевизионной программе «Взгляд», что меня пустили в Москву, — это действительно «произошло». Я рад, что перестройка предоставила мне такую возможность.

А привез меня сюда известный импресарио Виктор Шульман, который многое делает на путях сближения советской и американской культур.

— А как случилось, что вы оказались «там»?

— Если бы в Советском Союзе было то, что происходит сейчас, я бы никуда не уехал. Кстати, так же думают и многие оказавшиеся в Америке.

— А каковы причины отъезда?

— Меня никто не заставлял уезжать. Я не имел никаких претензий к Советской власти, жил хорошо. Делал успехи на своем поприще. Работал с прекрасными музыкантами Юрием Чухарлем, Анатолием Кроллом, Александром Броневичем, Борисом Рычковым, которым сейчас выражаю свою признательность за то, что они передали мне профессиональный опыт. Ох, как он помог мне выжить в Америке! Да вроде бы все шло хорошо, но... хотелось повидать мир, получить хорошее музыкальное образование.

— Удалось?

— Нет, мне это оказалось не по карману. «Кто будет платить за вас?» — был первый вопрос, когда я по приезде попытался поступить на учебу.

— Вилли, несмотря на популярность в определенных слоях поклонников музыки, биография Токарева многим неизвестна. В частности, вы имеете какое-нибудь отношение к городу Одессе, о котором часто упоминается в ваших песнях?

— В Одессе я не был ни разу в жизни, хотя знаком со многими одесситами, в частности, с Михаилом Жванецким, гастролировавшим в США. Биография моя такова. Я родился в глухой деревне на Кубани. Родители из крестьян. Отец работал шофером. Потом его командировали в Майкоп, а позже мы переехали в Ленинград.

Я поступил в музыкальное училище, учась в котором, был приглашен Анатолием Кроллом в его ансамбль. Так началась моя музыкальная карьера. Потом стал сочинять песни. Вообще-то песни — и стихи, и музыку — я сочинял еще в

МАРШРУТ: БРУКЛИН— БИРЮЛЕВО

Вилли Токарев.

школе. В 1970 году мне предложило сотрудничество Мурманское радио и телевидение. Я должен был сочинять песни для моряков. За неделю написал несколько вещей, сам аранжировал их и пригласил в Мурманск музыкантов из оркестра Жана Татляна, с которым в то время работал.

Вообще Мурманск — это мои сны. Это чудный город, там чудные люди. Там самые белые ночи, там же — самые темные ночи на свете. Не могу забыть этот город до сих пор. Хотя поехал по свету немало. Перед отъездом сюда в одном шутовском интервью я сказал, что если вернуться в Советский Союз и меня куда-то сошлют, я предпочел бы Мурманск, где, как мне сказали, до сих пор поют мою «Мурманчаночку».

— Вы разбогатели? Хотя я знаю, что такие вопросы в Америке считают бестактными.

— Я не бедный.
— А приезд в Советский Союз — это коммерческий приезд?

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Прошлой весной я выступал перед русскоязычной аудиторией Нью-Йорка. Открывал вечер чернокожаный Михаил Шемкин. После выступления на сцену поднялся незнакомый жгучий усач с серьезными глазами, одетый в черную тройку, и застенчиво и в то же время уверенно сунул мне в карман кассету с записями. «Я — Вилли Токарев», — представился он.

Он удивился, что мне знакомо его имя. Еще бы! Сейчас повальное большинство наших тансистов и частников накручивают километры своих дорог под кассеты Токарева.

«Небоскребы, небоскребы — а я маленький такой», — так по-чеплински и очень по-русски прокричал он о встрече нового эмигранта с Нью-Йорком. Видел я, как до дна он выкладывает в «Одессе», ночном клубе, где работает (а работает он «по-черному», «четыренадцать лет без выходов»), где гуляет Брунлин, где его новые земляки попеременно с туристами из Киева и Ленинграда бешено сандируют ему.

Как вы видите, он сам не причисляет себя к поэтическому Олимпу. Слова его — лишь танст для музыки. Родословная его песен — «Две гитары за стеной жалобно заныли», «Кирпичики», «Мурка» — эта блатная «Аннабель Ли», Петр Лещенко, «Гоп со смычком», городской фольклор...

Вилли ТОКАРЕВ

Я приехал из деревни
В этот крупный городок.
Очень трудно разобраться,
Где тут запад, где восток.

Небоскребы, небоскребы,
А я маленький такой.
То мне страшно, то мне грустно.

То теряю свой покой
А вокруг чужие люди.
А кругом чужой народ.
От тоски глушу я водку.
Только водка не берет.

— Ну если состоится мой вечер, то половина средств пойдет Госконцерту, половина мне. Но вообще ваш вопрос звучит немного по-советски: прожив достаточно в Америке, я понял, что деньги для американца — это его жизнь. Как только они кончатся, человек уже никому не интересен. Поэтому для меня, как американца, деньги — предмет существования.

— Но не самоцель?

— Нет. Я никогда не стремился к тому, чтобы накопить как можно больше долларов. Я их зарабатываю легко и так же легко трачу. Покупаю хорошие инструменты, живу в прекрасной квартире, имею роскошный автомобиль. Считаю так: живем один раз, савана с карманами не шьют. Да и вообще, вы спрашиваете — «богатый»? Богатый относительно чего? Ведь все познается в сравнении.

профессор... Вы не задумывались — почему?

— Я не могу ответить на этот вопрос. Что люди нашли в моих песнях? Я просто пишу так, как чувствую, а людям это нравится.

— Из вашего рассказа о себе я понял, что вы на самом деле не ощущаете себя «маленьким таким», как об этом поете в самой, пожалуй, знаменитой вашей песне.

— В этой песне есть элемент аллегории. Я хотел рассказать, как чувствует себя человек, попав в непривычную для него обстановку. Я ощутил эту обстановку, приехав в Нью-Йорк, который ошеломил меня своей грандиозностью, бешеным ритмом жизни. Я был просто потрясен. Теперь же я полюбил этот город, потому что он говорит всем приезжающим сюда: «Бери меня, я тебе дарю себя. Только ты меня должен завоевать».

— И вы использовали этот шанс...

— Да, горжусь тем, что использовал. Я исколесил Нью-Йорк вдоль и поперек на «желтом дьяволе», так называется в Нью-Йорке такси, ибо все они желтого цвета. Так что песня про нью-йоркского таксиста почти автобиографична. Я вкалывал по шестнадцать—двадцать часов в сутки. Когда шел снег, приходилось работать еще больше.

Другого пути не было. В общем, я не такой уж маленький. Хотя и ощущаю здесь свою малость.

— Кто слушает ваши песни в Америке, исполняемые в основном по-русски? Именно в «русскости» своеобразия колорит ваших импровизаций.

— Да, меня слушают только эмигранты, для которых я и пишу. Студенты, изучающие русский язык. Во всех колледжах есть кассеты с моими песнями. Посещают мои концерты в Америке и русские туристы. Они приходят на Брайтон-бич в ресторан, где я пою, и я им за это очень благодарен.

— Не все знают, что такое Брайтон-бич.

— Брайтон — это бывший заброшенный уголок Нью-Йорка, который был на грани, как вы бы сказали, бесперспективной деревни, на грани вымирания. Но прибыли туда лет пятнадцать назад первые одесситы, и Брайтон стал процветающим. Рядом море, точнее, океан, морской климат... Благодаря трудолюбию эмигрантов этот район превратился в цветущий уголок гигантского города.

— Как вы относитесь к вашему собрату Владимиру Высоцкому? Ведь он тоже пел в Нью-Йорке.

— Высоцкий для меня — эталон общения с людьми всех сословий. Я считаю его великим мастером слова. Высоцкий — уникальное явление в русской культуре.

— Сколько у вас песен?

— Около ста, я выпустил девять дисков.

— Вы живете в Америке четырнадцать лет, гражданин США. Что такое для вас сейчас понятие родины?

— Для меня понятие родины навсегда святое понятие, где бы я ни жил. Оно всегда со мною, хочу я того или нет. Чувство родины — это естественное чувство. Я всегда душой и сердцем с родиной, с Россией. Тем более сегодня, когда в Советском Союзе происходят гигантские перемены. Честно говоря, то что сделано в СССР, быть может, виднее именно со стороны, оттуда.

Взял интервью

Феликс МЕДВЕДЕВ

Фото Дм. Бальтерманца.

Хочу добавить, что часть выреченных средств от концертов в СССР (если, повторю, они состоятся) я перевожу в Детский фонд или в Фонд мира. Это будет искренней помощью друга.

— Вилли, вместо двух недель ваш первый контракт длился семь месяцев. То есть вы победили, оказались на коне. Это было много лет назад. А каково настроение сегодня? Вы победили Америку, доказали, что вы талантливый человек?

— США — страна возможностей, и если ты не ленив и хочешь работать, работа для тебя всегда найдется. Я говорю это откровенно. Все газеты полны приглашений на работу. Часто, конечно, на черную работу. Вот и я не гнушался никакой черной работы: мыл полы, разносил почту, работал таксистом... Но меня все-таки тянуло к музыке. А в Америке даже на улицах играют музыканты высочайшего класса.

Появилась первая пластинка, естественно, с помощью продюсера. Называлась «А жизнь — она всегда прекрасна». С нее-то и начался.

— Есть ли в США такое понятие: авторская песня? Вот вы считаете себя бардом или нет?

— Бардом я себя не считаю. Я просто музыкант, который вынужден писать стихи потому, что в Америке нет поэтов, которые писали бы для меня. Я не считаю себя композитором, поэтом и певцом. Я просто музыкант, исполняющий собственные песни. Кстати, поскольку мои песни транслировались по телевидению, я автоматически считаю членом Американской профессиональной ассоциации композиторов.

— Вас узнают московские таксисты, ведь вы автор знаменитой песенки о нью-йоркских коллегах?

— Узнают и просят фотографию. Вообще странно, что меня узнают на улицах, останавливают. Но сам я хотел бы повстречаться со своими друзьями, с которыми подружился в Америке, — с Юлианом Семеновым, Людмилой Зыкиной, Михаилом Жванецким, Геннадием Хазановым...

— У вас в США самая разная аудитория. Вас любят слушать и грузчик, и

ВЗГЛЯД

«высокие» интонации. Песни написаны от имени персонажа на его уровне. Токарев как бы иронизирует над тенстом — здесь важна психологическая точность. В песнях Токарева с бешеной неистовостью, неузнаваемым юмором под хохмой скрытая тоска, — хрипит подлинность судьбы. Он стал голосом сотен тысяч — из Брайтон-бич и Бруклина.

Профессиональный музыкант, он сам обдирав шкуру, сбрил свою судьбу, знал невзгоды и радость торжества — был офицером, грузчиком, таксистом.

Может, именно пересечение с последней профессией дает ключ к его характеру — неунывающему и отчаянному.

Во всех американских такси — избах — вы не имеете права сидеть рядом с водителем. Места для пассажиров находятся сзади, отгороженные пуленепробиваемым стеклом с окоченным для оплаты. На переднем сиденье частенько дремлет собака. Она хранит от одиночества и от внезапного нападения Лирический персонаж Вилли Токарева похож на таксиста славянского пуленепробиваемого перегородку. Ему необходимо общение с вами, откровенность. Пусть даже ценой риска.

Русские песни нам пелили ямщики, матросы, рокеры на мотоциклах — послушаем исповедь бывшего нью-йоркского таксиста.

Его трасса — ишь куда занесло! — «Брунлин — Бирюлево»

НЕБОСКРЕБЫ

То, гляди, тебя ограбят,
То, гляди, тебя убьют.
Похоронят как собаку,
И молитвы не споют.

Я карабкаюсь все выше,
А вокруг все то же дно.
Неужели мне богатым
В жизни стать не суждено?

Я работаю, как лошадь,
Все дела дела дела.
А жена не потерпела
И в свободном ушла.

Я пока что не богатый,
Да и бедным не называй.
Только вечно мне придется
Счастье светлое новать.

Хорошо везле на свете
Только там где нету нас.
Я не знаю то, что будет,
Знаю только что сейчас.

И брожу я одиноко...
Впереди большой Бродвей.
Кто-то ездит на роллс-ройсах,
Я же прыгаю в сабвей